

Осенний ветер с диким завыванием носился по городу, нагоняя страх и ужас на его жителей. Он то безжалостно ломал ветви деревьев, то начинал кружить в незамысловатом танце опавшую листву и, судя по всему, чувствовал себя полноправным хозяином освещенных вечерними огнями улиц.

С темного мрачного неба вдруг закапал дождь. Сначала он весело прыгал по крышам зданий, дорожкам и тротуарам, затем не на шутку разошелся. Это был уже не тот мелкий дождик, что озорно стучался в окна домов, оставляя на стеклах длинные растекающиеся капли, а настоящий ливень, хлеставший с такой силой, что казалось, будто он намеревался поскорее смыть следы уходящего сентября.

«Ну и погодка», – мрачно подумал про себя школьный охранник Константин Александрович, оторвавшись от монитора с записями камер видеонаблюдения. Раздался звук шагов, и мужчина перевел свой взгляд с окна на коридор, по которому устало шла пожилая женщина.

– Что же это вы, Софья Петровна, сегодня так припозднились? Все уже давно ушли – в школе ни души.

– Так ведь можно разве уйти, не закончив работы? Две смены, да еще и отчеты с оценками... Сколько лет уж как ввели эту систему, а я до сих пор никак привыкнуть не могу к компьютеру, – на морщинистом лице Софьи Петровны появилась смущенная улыбка. – Одни проблемы с электронным журналом. То оценки пропадут, то интернет отключат. Родители называют, дети возмущаются. То ли дело раньше...

– Вот-вот. С бумажными журналами куда лучше было. Что написано пером, не вырубишь топором, – рассмеялся Константин Александрович. – Хорошо хоть писать продолжают ручкой на бумаге, – кивнул он на пакет с кипой тетрадей в руках учительницы.

– Это точно, – бодро отозвалась собеседница. – Что ж, пойду проверять сочинения. До свидания!

– Всего доброго, Софья Петровна! – улыбнулся на прощание Константин Александрович и раскрыл книгу, чтобы хоть как-то развеять осеннюю тоску.

Выйдя из школы, женщина раскрыла зонт и, прижав к себе пакет с тетрадями, чтобы они не намокли, поспешила домой.

«Хорошо-то как на улице!» – учительница восхищенно выдохнула, и ее лицо вдруг расплылось в широкой улыбке. Улыбка эта, однако, не смогла разогнать мрачную тучу мыслей, вертевшихся в голове Софьи Петровны и не дававших покоя уже третью неделю.

В этом году ей вручили седьмой «Б» класс – стайку тридцати двух неугомонных птенцов, еще не умеющих летать, но уже возмнивших себя властителями неба. Подружиться с ними учительнице до сих пор не удалось – у детей совершенно не было желания познавать новое, да и с дисциплиной в первую же неделю обнаружили большие проблемы.

Порой Софье Петровне казалось, что каждое утро она вынуждена идти не на урок к своему классу, а в клетку к разъяренным тиграм. Еще бы:

их бывшая классная руководительница совсем недавно выпустилась из университета и воспитанием детей занималась мало, уделяя большую часть времени устройению семейного гнездышка, пока совсем не ушла в декретный отпуск.

Многие шалости сходили ребятам с рук; привыкшие к свободе, они не терпели власти и жестких рамок, с которыми встретились в начале нового учебного года. С первой встречи невзлюбил седьмой «Б» Софью Петровну, и каждый день неприятие становилось все сильнее.

За размышлениями учительница не заметила, как дошла до своего подъезда. Озябшими руками она достала из кармана серенького поношенного пальто ключи и открыла входную дверь. Затем поднялась по старой, потрескавшейся от времени лестнице на пятый этаж – лифта в доме не было, вот и приходилось усталой женщине преодолевать весь путь пешком. Это давалось ей с трудом: сидеть во время учебных занятий она не любила, а от долгого стояния на уроках начали болеть ноги.

– Ну вот, слава Богу, я и дома, – запыхавшись, выдохнула Софья Петровна, стоя на пороге маленькой, чисто убранной комнатки. «Так, так, так» – вторили ей большие настенные часы, доставшиеся еще от бабушки Досифеи. Сколько лет прошло с тех пор, как ее любимая баба Дося отошла ко Господу? Сейчас и не вспомнить. Перед взором Софьи Петровны вдруг предстал образ худенькой старушки, на лице которой всегда играла блаженная улыбка, а глаза так и светились добротой.

Она хорошо помнила ее мягкий, приятный голос, теплые морщинистые руки и гладкие седые волосы, видневшиеся из-под простого цветастого платочка. С возрастом Софья Петровна все больше становилась похожей на свою бабушку: свет ее голубых глаз ничуть не потускнел, голос с каждым годом будто становился все бархатистее, а длинные волосы украшало настоящее серебро – не то, которое можно купить за деньги, но которое жизнь дарит людям, немало повидавшим на своем веку, в знак их мудрости.

Баба Дося была единственным родным человеком маленькой Сони: когда родители, попав под обстрел во время войны, были убиты, она взяла соседскую годовалую девочку к себе и воспитала как родную. Каким-то чудом им вместе удалось пережить тяжелую военную пору, а когда наступили мирные времена и Соня немного подросла, баба Дося записала ее в школу, где сама работала учительницей. Девочке нравилось смотреть, как вечерами бабушка проверяет тетрадки и готовится к урокам, а в праздничные дни Соня восторгалась букетами цветов от учеников.

Иногда девочка говорила:

– Вот вырасту – тоже стану учителем, как ты. И мне каждый день будут дарить цветы, а я за это не буду ставить двойки.

Баба Дося в ответ лишь смеялась, не принимая намерения девочки всерьез. Однако время шло, Соня окончила десять классов с золотой медалью и в самом деле поступила в педагогический институт – на учителя словесности. Получив профессию, она устроилась работать в местную школу. В ней-то и преподавала много лет Софья Петровна русский язык и литературу, отдавая детям все свое сердце. Для одинокой женщины любимая работа была настоящей отрадой: именно она помогла ей пережить раннюю смерть мужа и уход дочери из родного дома. Но что поделать: у нее своя семья, много хлопот, да и в город путь не близкий...

Учительница тяжело вздохнула. Отдых отдыхом, а дело не ждет. Она наскоро поужинала, попила чай с баранками и, закутавшись в плед, села проверять сочинения под барабанную дробь дождя.

Следующий день обещал выдаться для Софьи Петровны особенно тяжелым, несмотря на то, что уроков было не слишком много. Засидевшись с тетрадами допоздна, она насилу встала с постели, едва не проспав русский язык у седьмого «Б». Погода в этот раз стояла ясная и на удивление теплая, будто и не было вчера никакого ливня. Однако настроение от этого не улучшилось: быстро шагая в школу знакомой дорогой, Софья Петровна думала о предстоящем уроке.

Ей не давали покоя проверенные сочинения, которые она сейчас несла в руках: как бы на душе горько ни было, пришлось ставить в тетрадях двойки и тройки – на положительную оценку рассуждения ребят никак не претендовали. У кого три предложения, у кого и вовсе пустой лист... А если и были исписанные страницы, то на них обнаруживалось столько ошибок, что их количество могло бы с легкостью попасть в книгу рекордов Гиннеса.

Обычно в классе есть хотя бы один отличник, но седьмой «Б», видимо, был исключением из правил. Даже Алена Кузнецова, у которой по русскому языку до этого стояли твердые четверки, плохо выполнила домашнее задание. Неоднократно женщина задавалась вопросом: почему ей достался именно этот класс? Однако сейчас ее больше беспокоило другое: как теперь объявить оценки, чтобы не вызвать волну возмущений у недовольных ребят?

За углом школы Софье Петровне встретились две ее ученицы. Они не стесняясь курили сигареты, пуская друг другу в лицо облачка табачного дыма.

– Девочки, это что такое?! В таком возрасте – и за сигареты... Пожалели бы себя хоть, что ли...

– Поздно уже нам себя жалеть, Софья Петровна, – ответила светленькая Лена, бросая на землю окурков и растапывая его туфелькой. Несмотря на осеннюю погоду, одета она была довольно легко: тонкая рубашка, короткая юбка, эластиковые колготки – вот и весь ее наряд. При взгляде на девочку по телу Софьи Петровны пробежали мурашки.

– Не хотите попробовать? Специально для вас оставили, – ехидно улыбнулась одетая так же по-легкому Ленина подруга, протягивая учительнице пачку сигарет. Софья Петровна оторопела.

– Даша, я бы на твоём месте попробовала вести себя приличнее и вспомнить, кто перед тобой стоит. Сегодня же позвоню вашим родителям. А теперь быстро в школу – до звонка осталось пять минут! – скомандовала Софья Петровна, сама удивившись суровости интонации, с которой была произнесена фраза.

Ученицы нехотя оставили полюбившееся место, а их классная руководительница, огорченная столь неприятной встречей, пошла вслед за ними, пытаясь настроиться на продуктивный рабочий день. Ее настроение, и без того мрачное, стало еще хуже – будто вчерашнее ненастье перебралось к ней в душу, и теперь там сверкают молнии и льет беспросветный дождь.

«А ну-ка не раскисать!» – приказала себе Софья Петровна, усилием воли пытаясь отвлечься от грустных мыслей. И правда, чего это она так поникла? Сейчас придет на урок, и все ее ужасное настроение передастся детям, а те в свою очередь поделаются им с другими... Ну уж нет, создавать такую цепную реакцию – дело скверное. Как бы на душе плохо ни было,

нельзя позволять себе срывать на детей и погружать их в мрак своей души.

Подняв голову выше и улыбнувшись, Софья Петровна взяла на вахте ключи и направилась в свой кабинет, благо он находился на первом этаже и дойти до него было делом одной минуты. Когда дети наконец расселись и в классе стало тихо, Софья Петровна решила объявить седьмому «Б» оценки.

– Ребята, я проверила ваши сочинения, и результат меня не очень порадовал. Вернее, не порадовал совсем. К моему великому огорчению, я не могла никому поставить пятерку. Зато чуть не у половины класса два.

С задней парты раздался голос:

– А че, и у меня тоже два?!

Задать такой вопрос решился Колька Захлюстин, известный на всю школу задира и гроза начальных классов. Многие ребята его попросту боялись, а потому он считал себя важной персоной и не терпел, если кто-то проявлял к нему неуважение. Неудивительно, что седьмой «Б» сдувал с него пылинки и берег как зеницу ока – ведь Колька мог и заступиться за одноклассников, а иногда даже и конфетами угостить, которые он добывал у запуганных малышей.

– Да, Коля, и у тебя стоит два, – спокойно ответила Софья Петровна, нисколько не смутившись вопросом ученика и тоном, которым была произнесена фраза.

– Да за что?! Я же все написал! Какое вы вообще имеете право так занижать мне оценку?! – черные Колькины глаза стали похожи на два уголька, и если присмотреться, то в них, пожалуй, можно было увидеть нечто похожее на огонь – так вспыхнули они в этот момент.

– Хорошо, если ты не согласен со своей оценкой, то подойди ко мне после урока – я тебе все расскажу и покажу, – Софье Петровне стало не по себе от бешеного взгляда Захлюстина, однако она старалась не подавать вида и внешне сохраняла спокойствие – только глаза отвела в сторону, на желтую шершавую стену. В этот момент она почувствовала резкий удар такой силы, будто пуля вонзилась ей в щеку. Тут же к ее ногам упал комок плотной бумаги, а за ним еще и еще. Женщина повернула голову к тому месту, откуда доносились «выстрелы», однако ничего не обнаружила. Со всех сторон слышались смешки.

– Кто сейчас плевался бумагой?

Громкое дружное «Я!» раздалось в ответ и тут же, со всех сторон, донося такой шум, что Софья Петровна перестала слышать собственный голос.

– Долой несправедливую оценку! Долой новые правила! – кричал Колька. Он встал со своего места и сложил руки рупором, чтобы было лучше слышно. Сашка, его сосед по парте, уже успел спрятать трубочку и твердые шарики из тетрадных листов, которые совсем недавно служили пулями для Софьи Петровны. Он был не меньше возмущен небывалыми доселе порядками. Проверочные на каждом уроке, двойки за поведение и жестокая дисциплина после стольких лет расслабона не вписывались ни в какие рамки.

– Долой негодное обучение! – поддержал товарища Сашка и тут же обратился к одноклассникам: – Кто за то, чтобы свергнуть Софью Петровну с учительского престола?

Тридцать две руки мгновенно поднялись в воздух. Сашка, довольный результатом, парировал:

– Свергнем Софью Петровну! Сделаем нашу жизнь лучше! Долой новые порядки! – крикнул он так, что всем показалось, будто в этот момент стены кабинета затряслись от его голоса. Разбушевавшийся не на шутку 7 «Б» внял призыву, и уже через минуту в кабинете поднялся невероятный гвалт. «Долой! Долой! Долой!» – доносилось со всех сторон.

В какой-то момент учительница перестала замечать то, что происходило в кабинете, будто находясь вне времени и пространства. Она долго смотрела в одну точку, иногда тяжело вздыхала, иногда невидящим взглядом обводила класс, устремив свой взор куда-то вдаль. Это еще больше раззадоривало детей, они снова и снова принимались глумиться над Софьей Петровной, словно не было для них развлечения лучше и приятнее. Кабинет стал похож на клетку зоопарка в обеденное время, когда стая хищных животных набрасывается на свою жертву, сражаясь за лакомый кусочек.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в класс не вошла Юлия Ивановна, проводившая в соседнем кабинете урок математики. Ее внимание привлек шум, который довольно долго доносился из-за стены и мешал спокойно работать.

– Ребята, что у вас тут происходит?! А где же ваш учи...

Юлия Ивановна не договорила. Она бросила взгляд на место учительского стола и ахнула. Софья Петровна сидела, откинувшись на спинку стула, смотрела в потолок немигающим взглядом, а уголки ее губ самопроизвольно подрагивали, растянувшись в кривой улыбке.

– Софья Петровна, что с вами?!.

Не дожидаясь ответа, Юлия Ивановна дрожащими пальцами набрала номер скорой, параллельно пытаясь привести женщину в чувство. Буйный седьмой «Б» к этому времени уgomонился и притих, и лишь изредка тяжелые вздохи нарушали тишину. Откуда-то донеслось: «Ну все, конец...», послышался сдавленный крик и – снова тишина, способная каждого пронзить своим всепоглощающим ужасом.

Спустя несколько минут ее увезли в реанимационное отделение с приступом инсульта.

3

– Ребята, ребята, Софья Петровна умерла...

Фраза, произнесенная Дашей – той самой, что когда-то осмелилась предложить классной руководительнице пачку сигарет – прозвучала как гром среди ясного неба и живо облетела не только седьмой «Б», но и всю школу.

– Я сама слышала, – продолжила сбивчивый рассказ девочка. – Там, в коридоре, завучи между собой разговаривали. И у них у обеих на глазах слезы были...

– Вечно ты все придумываешь, Дашка, – прервала ее рассказ Нюся. – И так от русского тошно, ты еще тут...

– Да нет же, правда!

– А может, она не врет? – встрял в разговор Сашка. – Не может она умереть! Не может! Не может! – отчеканил Колька и тут же, к удивлению одноклассников, театрально воздев руки к потолку, дурашливо заголосил. – А-а-а-а, как же мы тепе-ерь, бедные, несчастные... Никто нас не любит, никто нам так хорошо темы не объясняет, не от кого нам ждать поддержки... Дурак я, дурак, дурак!.. А-а-а-а...

Но шутку не поддержали. Никто из них даже подумать не мог, чем обернутся их глупые шутки и жестокие проделки...

Молодая медсестра Катенька, как ее называли коллеги, вошла в палату, увидела на мониторе, что сердце пациентки остановилось, побежала за доктором. В тот самый момент в коридоре показалась высокая стройная женщина. Катенька хорошо ее запомнила: она называлась подружкой Софьи Петровны и приходила сюда почти каждый день, интересуясь состоянием больной. Времени объясняться не было, а потому Катенька быстро отчеканила:

– Нам очень жаль, но ваша подруга скончалась сегодня утром.

Юлия Ивановна навещала больную каждый день и по состоянию здоровья подружки понимала исход событий, но сказанное равнодушно известие настолько ошеломило ее, что она едва не лишилась чувств. Тем не менее хотела поговорить с сестрой, но у той зазвенел мобильник...

– Извини, милый. Я на планерку опаздываю, – сказала девушка и побежала по коридору.

По дороге из больницы Юлия Ивановна размышляла о скоротечности бытия. Она до сих пор не могла отойти от шока. Ей вспоминался день, когда Софья Петровна оказалась в реанимации. За столько лет работы в школе они с ней очень сдружились, частенько ходили друг к другу в гости.

– Нет больше Софьи Петровны, нашего ангела...

Слезы катились по щекам, смешиваясь с дождевыми каплями. Путь из больницы в школу пролегал мимо храма. В отличие от своей подружки Юлия Ивановна в церкви бывала редко, однако сейчас она почувствовала, что душа просит молитвы. Нет, не ее душа – уходящая в иной мир душа Софьи Петровны.

Зайдя в церковь, учительница с грустью посмотрела на светлый лик Богородицы. Кроткий взор Марии будто осветил душевный мрак, и как-то необыкновенно хорошо стало возле большой старинной иконы.

– Матушка, родимая, не оставь ее без Своего заступничества... Даруй душе ее мир и покой... – шептала Юлия Ивановна, не в силах отвести взгляда от теплого взора Богородицы. – Бедные дети... Господи, прости им их безрассудство...

Мать и Младенец кротко улыбались с иконы, словно говоря: «У Бога ничего не бывает просто так. Успокойся и прими ситуацию такой, какая она есть».

Пятнадцать минут показались Юлии Ивановне целой вечностью. Она вышла из храма уже не такая понурая, как была до этого, будто преобразилась. В учительской поделилась печальным известием с коллегами, и трагическая новость мигом облетела всю школу.

...А в это время в областной больнице проходила планерка. Катенька слушала заведующую и вдруг вспомнила, что забыла выключить аппаратуру у скончавшейся бабули.

Сидя у самой двери, девушка выскользнула из зала и бросилась в палату, где лежала Софья Петровна. А зайдя внутрь, оторопела. Учительница лежала на кровати, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам, словно не понимая, где находится. Увидев медсестру, она попыталась что-то сказать, однако послышался лишь сдавленный крик. Катенька, конечно, слышала о случаях, когда больные возвращались с того света, но в подобного рода истории не верила и считала их сказками. Теперь же Катеньке самой довелось столкнуться с воскресением умершего.

– Софья Петровна, вы меня слышите? Как вы себя чувствуете?

Ответа не последовало. Женщина снова погрузилась в глубокий сон, и лишь широкая улыбка говорила о только что возродившейся жизни. В это самое мгновение осенний город осветило нежное ласковое солнце.

* * *

– Софья Петровна вернулась! Вернулась!!!

– Дашка, хватит нести всякую чушь. Всем известно, что она умерла....

– Я по-вашему вру, да? Вы мне не верите? Раз так, сами посмотрите.

Колька прильнул головой к теплому оконному стеклу, но никого, кроме стайки воробьев, не увидел.

– Ну и где... – Захлюстин не успел договорить, потому что в этот момент на пороге кабинета появилась Софья Петровна. Совсем как в первый день их встречи, она мило улыбалась.

– Здравствуйте, ребя...

– Софья Петровна!!! – десятки детских голосов слились в один радостный крик. Через мгновение учительница оказалась в таких крепких объятиях, что ей стало трудно дышать.

– Софья Петровна, простите нас... Пожалуйста... Мы так больше не будем...

– Нам вас так не хватало...

– Мы по вам очень скучали!

– Родные мои, милые, а я-то как по вам соскучилась...

Солнечный луч заглянул в окно кабинета, заинтересованный такой трогательной картиной. Он нежно скользнул по спине и плечам Софьи Петровны, затем обнял сгрудившихся вокруг нее ребят.